

отношение Гончарова к проблеме ценности человеческой личности, отстаивание самостоятельности и самоценности личности перед лицом более общих категорий (государство и т. д.), столь характерно выразившееся в статье «Нарушение воли», восходит именно к карамзинскому благотворному гуманистическому влиянию. Вернее, может быть, будет заметить, что Карамзин *первым* открыл Гончарову глаза на проблему самоценности человеческого «я». Впоследствии на это первое впечатление накладывались другие — вплоть до книги Д. Милля «О свободе», в защиту которой Гончаров выступил как цензор. Проблема настолько объемна, а следы «морального» влияния столь трудноуловимы, что в настоящей статье мы считаем возможным лишь упомянуть об этом вопросе в целом, главное внимание уделив частным его аспектам.

Если в «Обыкновенной истории» стиль Карамзина пародируется, то в «Обрыве», в истории любви Райского и Наташи, мы обнаруживаем переключку с историей «бедной Лизы», к которой Гончаров — как художник, испытывавший на протяжении всей своей творческой жизни пристальный интерес к женской теме, к теме любви, — проявил, несомненно, интерес. Райский, «воротясь домой после обеда в артистическом кругу», «нашел у себя на столе записку, в которой было сказано: „Навести меня, милый Борис: я умираю! . . . Твоя Наташа“» (V, 112).

Напомним, что в гончаровском романе в виде многих параллелей даны самые различные типы любви, сопоставляя которые писатель решает для себя важнейшие вопросы человеческой жизни, — не только частной, но и общественной. Нашлось место и для описания любви «по Карамзину». Все это не покажется странным, если учесть, что метод подобных ассоциативных параллелей вообще свойствен Гончарову. В романе «Обломов» Штольц в поисках «нормы любви» перебирает в памяти типы любовных отношений, сложившиеся в различные эпохи: «Он с улыбкой, то краснея, то нахмурившись, глядел на бесконечную вереницу героев и героинь любви: на донкихотов в стальных перчатках, на дам их мыслей, с пятидесятилетней взаимною верностью в разлуке; на пастушков с румяными лицами и простодушными глазами навывкате и на их Хлой с барашками. Являлись перед ним напудренные маркизы, в кружевах, с мерцающими умом глазами и с развратной улыбкой; потом застрелившиеся, повесившиеся и удавившиеся Вертеры; далее увядшие девы, с вечными слезами любви, с монастырем (этот тип представлен в образе Марьи Горбатовой с явным пародийным оттенком. — В. М.) < . . . > все, все!» (IV, 454).

При этом следует учесть и различия между карамзинским и гончаровским подходами к воплощению образа «бедной Лизы». Как поясняет в статье «Лучше поздно, чем никогда» сам Гончаров, кроткую, хрупкую Наташу «надломила и свела в могилу не одна обманутая любовь, но вообще суровое дыхание жизни» (VIII, 103). Характер Наташи задуман, как видим, с определенной коррективной по отношению к карамзинской героине: «Это райская птица,